

СКАЗОЧНОЕ БОГАТСТВО

Они сказочно богаты. Вы никогда о них не слышали, потому что это единственные в мире люди, кому по средствам купить то, чего они хотят: по-настоящему частную жизнь. В вашу или мою жизнь может ударить молния: вы можете выиграть крупный приз, или оказаться соседом ма-ньяка с топором, или приобрести больного орнитозом попугая, — и вот на вас уже направлен свет прожекторов, а вы застенчиво моргаете и молитесь Богу о смерти.

Они выиграли призы при рождении. У них нет соседей, а если нужно кого-то убить, они не станут использовать что-то настолько громоздкое, как топор. Попугаев они не держат. А в тех редких — миллион к одному — случаях, когда прожектор все-таки светит в их сторону, они покупают его и велят приставленному к нему человеку просто его выключить.

Я не знаю, сколько их. Я пытался вычислить их количество, сложив сумму валового национального дохода всех стран на планете и разделив полученное на сумму, необходимую, чтобы купить правительство крупной промышленной державы. Ясно же, что невозможно обеспечить себе анонимность, если не можешь купить хотя бы два правительства.

Думаю, таких человек около сотни. Я встречался с одним из них и чуть не встретился еще с одним.

Как правило, они ведут ночной образ жизни. Покупка света у темноты была первым экономическим прорывом. Но когда бы вы ни пошли искать их — хоть в два часа ночи, хоть в два часа дня, — вы их не найдете. Ни

в респектабельных клубах, ни на стадионе «Поло Грандс», ни в королевской ложе в Аскоте, ни на лужайке Белого дома.

Их нет на картах. Понимаете? Место, где они решают поселиться, в прямом смысле становится белым пятном в атласе. Их нет в переписи населения, в справочниках «Кто есть кто» или «Книге пэров» Берка. Они не фигурируют в досье налоговой инспекции, а на почте нет их адресов. Представьте себе все те места, где появляется ваше имя: на пожелтевших страницах школьных архивов, в больничных картах, на копиях чеков в магазине, в подписи к письмам. *Нигде* из вышеперечисленного вы не найдете ни одного из их имен.

Как этого добиться?.. Нет, не знаю. Могу лишь предположить, что на большую часть человечества возможность получить все, о чем они когда-либо мечтали, действует как травматический шок. Моментальная промывка мозгов: стоит поверить в эту возможность, как закрепляется модель подчинения, как сказал бы психолог. Но они не рискуют напрасно. Хотя они не самодержавные властелины — по правде говоря, они управляют лишь тем, что напрямую им принадлежит, — у них все же немало общего с халифом Багдада, велевшим скульптору построить фонтан. Фонтан оказался самым прекрасным во всем мире, и восхищенный халиф спросил у скульптора, может ли кто-нибудь еще сотворить подобную красоту, и скульптор с гордостью ответил, что лишь он один в целом свете на такое способен.

Халиф велел заплатить ему сколько было обещано. А также — выколоть глаза.

В тот вечер мне хотелось шампанского, танцовщиц, ярких огней, музыки, а была лишь банка пива. Зато холодная. Я взял ее, а на выходе из кухни вдруг остановился, рассматривая свою... гостиную, рабочий кабинет, лабораторию... неважно. Все сразу.

Мне даже не верилось. Было двадцать третье августа, я пробыл здесь один год и один месяц, и вот работа закон-

чена. Я никак не мог в это поверить — и не поверю, пока не расскажу людям, не соберу друзей, не раздам им по пиву и не выпью с ними за это.

Я поднял банку и произнес:

— За завершение работы! — Выпил. Решил, что тост не годится, и добавил: — За Эффект Купера!

Ну вот, уже лучше, но не совсем то.

Нахмурившись, я еще немного подумал и, решив, что наконец нашел точные слова, победоносно провозгласил:

— За Сантадору — самое замечательное место на земле. Только здесь мне удалось так сосредоточиться. Да хранит Господь ее и всех, кто отплывает отсюда.

С чувством удовлетворения я пил в третий раз, и тут из тени на открытом крыльце раздался голос Наоми:

— Выпей за меня, Дерек, — сказала она. — Ты близок к цели, но еще не вполне.

Со стуком поставив банку на столик, я подошел к ней и обнял ее. Она не шелохнулась. Она напоминала красивый манекен, демонстрирующий парижскую моду в витрине бутика. На моей памяти она всегда носила только черное и сегодня была одета в черную блузку из сотканного вручную шелка, зауженные книзу обтягивающие черные брюки и черные эспадрильи. Ее светлые, кукурузного оттенка волосы, сапфировые глаза и сияющая от здорового загара кожа выглядели настолько совершенными, что казались ненастоящими. Раньше я никогда к ней не прикасался. Иногда ночью, если мне не спалось, я задавался вопросом, чем это можно объяснить. Она ведь была свободна, ни с кем не встречалась... И находил рациональное объяснение: я слишком ценю этот мирный уголок и то, как хорошо сумел здесь сосредоточиться, слишком сильно, чтобы связаться с женщиной, которая никогда ничего не требует, но которая — ясно же — пожелает забрать все.

— Все готово, — сказал я, развернувшись и всплеснув рукой. — Наступило новое тысячелетие! Наконец-то — успех! — Я подбежал к безумному аппарату, который ни-

когда не рассчитывал увидеть наяву. — Это нужно отпраздновать. Соберу всех, кого сумею найти, и...

Я осекся. Она сделала шаг вперед и подняла руку, которую до этого держала опущенной. В руке что-то было. Теперь, на свету, я увидел бутылку шампанского.

— Как... — начал я.

И подумал еще кое о чем. За все те тринадцать месяцев, что я прожил в Сантадоре, я ни разу не оставался с Наоми наедине.

— Сядь, Дерек, — сказала она и поставила бутылку на столик рядом с банкой пива. — Ты не сможешь никого пригласить. Кроме нас с тобой, здесь никого нет.

Я промолчал.

Она насмешливо изогнула бровь:

— Не веришь? Ничего, скоро поверишь.

Наоми повернулась и направилась в кухню. Вскоре она вернулась с парой бокалов, которые я держал на случай гостей. Я подался вперед, вцепившись руками в спинку стула, и вдруг мне пришло в голову, что я подсознательно отгородился стулом от этой невероятной незнакомки.

Она ловко открутила проволоку на бутылке шампанского, поймала в первый бокал пену, появившуюся, когда она выдернула пробку, наполнила второй бокал и протянула его мне. Я взял его, двигаясь словно глупое, флегматичное животное.

— Сядь, — повторила она.

— Но... где же все остальные? Где Тим? Где Конрад и Элла? Где...

— Уехали, — сказала она. Держа бокал, она повернулась ко мне и заняла единственный свободный стул, не заваленный обломками моего оборудования. — Уехали около часа назад.

— Но... Педро! И...

— Они отплыли. Теперь направляются в другое место. — Она небрежно махнула рукой. — Не знаю куда именно, но они обеспечены всем необходимым. — Подняв

бокал с шампанским, она прибавила: — За тебя, Дерек. Поздравляю! Я сомневалась, что тебе это удастся, но попробовать стоило.

Я подбежал к выходящему в сторону моря окну, рывком распахнул его и вперил взгляд в стущающийся мрак. Гавань как раз покидали четыре или пять рыболовецких судов. Их огни напоминали движущиеся звезды. На пристани валялась брошенная мебель и кое-какие рыболовные снасти. Все выглядело так, будто они и правда уезжали навсегда.

— Сядь, Дерек, — в третий раз сказала Наоми. — Мы зря тратим время. К тому же твое шампанское вот-вот выдохнется.

— Но как они сумели заставить себя...

— Покинуть дома предков, выдернуть корни и устремиться в неизведанные края? — легким насмешливым тоном спросила она. — Это не про них. Они никак не связаны с Сантадорой. Сантадоры не существует. Сантадору построили восемнадцать месяцев назад, а в следующем месяце она исчезнет.

После молчания, которое, казалось, длилось вечность, я сказал:

— Наоми, с тобой... с тобой все в порядке?

— Все замечательно. — Она улыбнулась, и на свету сверкнули ее белые зубы. — Более того, рыбаки не были рыбаками, отец Франсиско — не священник, а Конрад и Элла — никакие не художники, разве что хобби у них такое. Ну, а меня зовут не Наоми, но, раз уж ты привык к этому имени — да и я тоже, — пусть все так и остается.

Теперь я просто не мог не выпить. Шампанское оказалось превосходное. Никогда не пробовал ничего более совершенного. Жаль только, настроение в ту минуту не позволило мне оценить его по достоинству.

— Хочешь сказать, вся эта деревня — бутафорская? — требовательно спросил я. — Что-то типа гигантской... съемочной площадки?

— В некотором роде да. Сценические декорации — так, пожалуй, будет точнее. Выйди на крыльцо и возьмишь рукой за узорчатую отделку навеса. Потяни ее посильнее. Она отойдет. Посмотри, что обнаружится на задней стороне. Прodelай то же самое с любым другим домом в деревне, у которого такое же крыльцо. Всего их пять. Потом возвращайся, и поговорим серьезно.

Потягивая шампанское, она скрестила свои великолепные ноги, нисколько не сомневаясь, что я поступлю так, как она велела.

Я целеустремленно вышел на крыльцо — скорее чтобы перестать чувствовать себя дураком, нежели по какой-либо иной причине. Включил свет — желтую лампочку, болтавшуюся на неумело приделанном гибком шнуре, — и осмотрел резную отделку на кромке навеса. Свет лампочки привлек жужжащих летних насекомых.

Я дернул кусок дерева на себя, и он легко отошел. Я поднес его к свету и прочел написанное на задней стороне бледными синими чернилами: «Número 14.006 — José Barcos, Barcelona»¹.

Трудно было сразу решить, как мне на это реагировать. Держа, словно талисман, перед собой кусок дерева, я вернулся в дом и встал над сидящей на стуле Наоми. Хотел было гневно высказаться, но так и не придумал, что сказать, поскольку в этот момент заметил этикетку на бутылке. Это было не шампанское. Я вообще никогда не слышал о фирме с таким названием.

— Это лучшее игристое вино в мире, — проследив за моим взглядом, сказала Наоми. — Его производят... о, чуть больше десятка бутылок в год.

Судя по моим собственным вкусовым ощущениям, по крайней мере сейчас она говорила правду. Покачиваясь, я добрался до стула и в бессилии рухнул на него.

¹ Номер 14.006 — Хосе Баркос, Барселона (*исп.*).

— Не буду делать вид, будто понимаю, что происходит. Я... Но я же не мог провести последний год в месте, которого не существует!

— Тем не менее так и было. — Хладнокровно держа бокал красивыми тонкими пальцами, она опустила локти на подлокотники грязного стула. — Кстати, ты заметил, что среди насекомых, летающих на свет твоей лампочки, никогда не бывает комаров? Ты вряд ли подхватил бы малярию, но подстраховаться все же следовало.

Я вздрогнул. Ведь не единожды в беседе с Тимом Ханниганом я весело замечал, что одно из величайших преимуществ жизни в Сантадоре — это отсутствие комаров...

— Так, хорошо. Факты начинают производить на тебя впечатление. Теперь давай вспомним позапрошлую зиму. Помнишь, как ты познакомился с человеком, который представился Роджером Герни и с которым ты позднее встретился еще раз?

Я кивнул. Ну конечно, я помню Роджера Герни. После переезда в Сантадору я часто думал, что та первая встреча с ним оказалась одним из двух событий, которые кардинально изменили мою жизнь.

— Однажды ненастной ноябрьской ночью ты оказал Герни немалую услугу: у него сломалась машина, достать нужную запчасть до утра было невозможно, а на следующий день на десять утра у него была назначена важная встреча в Лондоне. Он показался тебе очень приятным, близким по духу человеком. Ты позволил ему переночевать у себя в квартире. Вы вместе поужинали и до четырех утра обсуждали то, что приняло конкретную форму в этой самой комнате. Вы обсуждали Эффект Купера.

Я похолодел, будто та мрачная ноябрьская ночь прогнула палец в окно и провела им по моей спине.

— А потом, — продолжил я, — той самой ночью я упомянул в беседе с ним, что для проведения мною необходимых экспериментов существует единственная возможность: поселиться в какой-нибудь маленькой деревушке, где бы

меня ничего не отвлекало, где не было бы ни телефона, ни газет, ни даже радио, а жить было бы настолько дешево, что я мог бы на два-три года посвятить себя исключительно работе и не думать о том, как заработать на жизнь.

Боже мой! Я прижал руку ко лбу. Воспоминания всплывали, подобно невидимым чернилам под воздействием огня.

— Верно. — Наоми с удовлетворенным видом кивнула. — А ваша вторая и последняя встреча с этим замечательным Роджером Герни состоялась в те выходные, когда ты, сделав ставку на футбольный матч, радовался небольшому выигрышу. Две тысячи сто четыре фунта семнадцать шиллингов и один пенс. И он рассказал тебе про маленькую испанскую деревушку под названием Сантадора, где существуют идеальные условия для твоих исследований. Он сказал, что только что ездил туда повидаться с друзьями — Конрадом и Эллой Уильямс. Ты едва мог представить, что мечты могут стать реальностью, но когда вы с Герни уже пропустили не по одному стаканчику, тебе уже показалось странным, что ты еще не распланировал всю поездку.

Я с такой силой поставил бокал на стол, что едва не разбил его.

— Кто ты такая? — резко спросил я. — Что за игру ты ведешь?

— Это не игра, Дерек. — Теперь она наклонилась вперед, не сводя с меня синих, похожих на драгоценные камни глаз. — Все очень серьезно. И у тебя в этом деле тоже свой интерес. Скажи честно: если бы ты не встретил Роджера Герни, если бы не выиграл ту скромную сумму, ты бы оказался здесь — или где угодно — и сумел бы сделать Эффект Купера явью?

После долгого молчания, обдумав весь прошлый год, я признался:

— Нет. Нет, если быть честным до конца. Не сумел бы.

— Значит, вот и ответ на вопрос, который ты недавно задал. — Поставив бокал на стол, она достала из кармана

обтягивающих брюк маленький портсигар. — Я единственный человек в мире, который хотел получить Эффект Купера и найти ему применение. Больше ни у кого не хватило на это желания — даже у самого Дерека Купера. Возьми сигаретку.

Она протянула мне портсигар и открыла его. Воздух мгновенно наполнился удивительным ароматом. На сигарете, которую я взял, не было названия, единственным опознавательным знаком были едва заметные полоски на бумаге, но, как только я сделал первую затяжку, сразу же понял, что этот табак, как и вино, лучший в мире.

Она с интересом наблюдала за моей реакцией. Я слегка расслабился — улыбка сделала ее более привычной. Сколько раз я здесь видел эту улыбку у нее на лице или — чаще — у Тима или Конрада?

— Мне был нужен Эффект Купера, — повторила она. — И теперь я его получила.

— Секундочку! — сказал я. — Я...

— Тогда я хочу взять его в аренду. — Она пожала плечами, словно речь шла о сущем пустяке. — После этого он останется твоим и всегда будет принадлежать тебе. Ты ведь сам признал, что если бы не... скажем так, кое-какое важное вмешательство, если бы не я, он так и остался бы всего лишь теорией. Интеллектуальной игрушкой. Однако я все же не стану просить тебя считать мой вклад честной платой за аренду. За использование твоего аппарата один раз в весьма конкретных целях я заплачу тебе так много, что ты до конца жизни сможешь позволить себе абсолютно *все*, чего бы ты ни пожелал. Держи!

Она что-то бросила мне — уж не знаю, где она это прятала, — и я автоматически поймал. Это оказался узкий продолговатый кошелек из мягкой, упругой кожи на молнии.

— Открой.

Я послушался. Внутри обнаружились одна... две... три кредитные карты на мое имя, а также чековая книжка. На чеках тоже было напечатано мое имя. На каждой из карто-

чек красным было напечатано одно слово: «БЕЗЛИМИТ-НАЯ». Никогда раньше я такого не видел.

Я убрал их назад в кошелек. Я мог бы усомниться в правдивости ее слов, но все сомнения мгновенно испарились. Да, Сантадору создали, чтобы позволить мне работать в идеальных условиях. Да, она это сделала. После того что она сказала про Роджера Герни, невозможно ставить это под сомнение.

Следовательно, я и в самом деле могу отправиться в Мадрид, зайти в автосалон и покинуть его за рулем «роллс-ройса»; на этой машине я могу поехать в банк, написать на первом из чеков сумму в один миллион песет и получить ее — если, конечно, в банке найдется столько наличных.

Не сводя взгляда с кошелька, бездумно застегивая и расстегивая его, я сказал:

— Ладно. Ты — та, кому был нужен Эффект. Но кто ты такая?

— Та, которая смогла получить его. — Она суховато рассмеялась и покачала головой. Волосы всколыхнулись вокруг ее лица, словно крылья. — Больше не донимай меня вопросами, Дерек. Я не стану отвечать, потому что ответы бессмысленны.

Некоторое время я молчал. Наконец, не зная, что еще сказать, я заметил:

— По крайней мере, ты должна рассказать, зачем тебе то, что я мог тебе дать. В конце концов, я по-прежнему единственный человек в мире, который это поймет.

— Да. — Она разглядывала меня. — Да, это правда. Налей нам еще вина. Мне кажется, оно тебе понравилось.

Пока я наполнял бокалы, чувствуя, как постепенно успокаиваюсь после шока и бури эмоций, охвативших меня в последние десять минут, она произнесла, глядя в пустоту:

— Знаешь, ты и правда уникален. В твоей сфере твоему гению нет равных. Именно поэтому ты здесь, поэтому я приложила ради тебя некоторые усилия. Я могу получить

все что захочу, но в некоторых вещах я неизбежно завишу от *единственного* человека, который может мне их обеспечить.

Ее взгляд метнулся к моему новому, не совсем достроенному, но функционирующему аппарату.

— Я хотела, чтобы эта машина вернула мне одного человека, — сказала она. — Он умер три года назад.

Мир будто замер. Я был слеп с тех пор, как видение нескончаемых денег затмило мой разум. Я поверил, что, коль скоро Наоми могла получить что угодно, значит, она знала, что именно получает. Но она, конечно же, не знала.

В моем воображении разыгрался небольшой спектакль, в котором безликие куклы парили в легких розовых облаках. Одета в черное кукла с длинными светлыми волосами сказала:

— Он мертв. Я хочу вернуть его. Не спорьте. Найдите способ.

Другие куклы с поклоном удалились. Наконец одна из них вернулась и сообщила:

— Есть такой человек по имени Дерек Купер, у которого имеются кое-какие необычные идеи. Больше никто в мире не задумывается над подобными проблемами.

— Устройте так, чтобы он получил все, что ему нужно, — ответила кукла со светлыми волосами.

Я поставил бутылку вина обратно. Я сомневался — да, все еще сомневался, все еще был ослеплен. Но потом взял кошелек из мягкой кожи и бросил его на колени Наоми.

— Ты сама себя обманула, — сказал я.

— Что?

Она мне не верила. Кошелек, упавший ей на колени, был для нее призраком; она не стала поднимать его, как будто прикосновение к нему превратило бы все из неприятного сна в жестокую явь.

Вдумчиво, все еще пытаясь вычислить, как обстоит дело на самом деле, я сказал: